

Дж.К. Роулинг

**Гарри Поттер и философский
камень**

(в переводе Марии Спивак)

Посвящается Джессике, которая любит сказки, и Энн, которая тоже их любит, а ещё — Ди, которая первой услышала эту историю

Глава первая. Мальчик, который остался жив

Мистер и миссис Дурслей, из дома № 4 по Бирючинной улице, гордились тем, что они, спасибо преогромное, люди абсолютно нормальные. Трудно было вообразить, что они окажутся замешаны в делах необычных или загадочных — они не признавали всякой там чепухи.

Мистер Дурслей работал директором фирмы «Груннингс», которая выпускала свёрла. Он был большой, грузный мужчина почти без шеи, зато невероятно уса́тый. Миссис Дурслей, тощая блондинка, обладала шеей удвоенной длины — и очень кстати, ибо эта леди часто и подолгу шпионила через забор за соседями. У Дурслеев имелся сынок по имени Дудли — и, по мнению родителей, на свет ещё не рождался ребёнок прекрасней.

У Дурслеев было всё, чего можно пожелать, но не только; ещё они хранили страшную тайну — и смертельно боялись, как бы кто-нибудь её не раскрыл. Они бы, наверное, не пережили, если б кто-то узнал про Поттеров. Миссис Поттер доводилась миссис Дурслей родной сестрой, но они много лет не общались, и, правду говоря, миссис Дурслей помалкивала о сестричке, словно той и нет вовсе: ведь что она, что её никчёмный муженёк — это же просто уму непостижимо! Чету Дурслеев в дрожь бросало при мысли о том, что скажут соседи, объявись Поттеры на их улице. Дурслеи знали, что у Поттеров тоже есть сын, но никогда его не видели. Из-за сына от Поттеров следовало держаться ещё дальше — не хватало, чтобы Дудли водился с такими детьми.

Когда мистер и миссис Дурслей проснулись скучным и серым утром во вторник — с которого и начинается наша история, — ничто в пасмурном небе за окном не предвещало грядущих загадок и тайн. Мистер Дурслей гудел что-то себе под нос, выбирая на работу галстук поскучнее, а миссис Дурслей весело сплетничала, запихивая орущего Дудли в высокий детский стульчик.

Никто не заметил большой серой совы, пролетевшей за окном.

В половине девятого мистер Дурслей взял портфель, клюнул миссис Дурслей в щёку и попытался клюнуть на прощание и сына, но промахнулся, ибо тот расскандалился и всю расшвыривал овсянку по стенам.

— Лапуля моя, — курлыкнул мистер Дурслей и шагнул за порог. Он сел в машину и задним ходом вырулил на Бирючинную улицу.

Нечто странное он впервые заметил на перекрёстке — там кошка изучала карту. Он сначала даже не понял, что это было, — но потом резко обернулся. На углу Бирючинной улицы действительно стояла полосатая кошка, но без карты. Прибредится же... Наверное, игра света. Мистер Дурслей моргнул и воззрился на кошку. Кошка воззрилась на него. Он уже выехал на главную дорогу, но следил за кошкой в зеркальце заднего вида. Та читала на указателе название улицы — то есть нет, она **смотрела** на указатель, кошки не умеют читать **ни** карты, **ни** указатели. Мистер Дурслей встряхнулся и решительно выкинул кошку из головы. И всю дорогу до города думал единственно о крупном заказе на свёрла, который рассчитывал нынче получить.

Однако на подъезде к городу кое-что заставило мистера Дурслея позабыть и о свёрлах. Стоя в ежедневной утренней пробке, он поневоле заметил, что кругом полно странно одетых людей. Людей в мантиях! Мистер Дурслей терпеть не мог вызывающей одежды — чего только на себя не напяливает нынешняя молодёжь! Видно, мантия — последний писк какой-то кретинской моды. Он забарабанил пальцами по рулю, и взгляд его случайно остановился на кучке придурков, сгрудившихся совсем рядом. Те оживлённо шептались, и мистер Дурслей с возмущением разглядел, что двое-трое в компании отнюдь не молоды! Наоборот, вон тот дед старше мистера Дурслея, а вырядился в изумрудно-зелёную мантию. Ни стыда ни совести! Но тут до мистера Дурслея дошло, что это какая-то хитрая уловка: видимо, сбор пожертвований... Да, наверняка. Машины наконец поехали, и через пару минут мистер Дурслей, весь в мыслях о свёрлах, подкатил к стоянке «Груннингса».

В своём кабинете на девятом этаже мистер Дурслей всегда сидел спиной к окну. Иначе тем утром ему было бы трудно сосредоточиться на работе. Он

не видел, как мимо его окна одна за другой проносятся совы, — зато прохожие на улице видели; они раскрывали рты и тыкали вверх пальцами. Подумать, среди бела дня! Почти никому и ночью-то этих птиц видеть не доводилось. Рабочее утро мистера Дурслея между тем шло своим чередом, бессовно. Он наорал на пятерых подчинённых. Сделал несколько важных телефонных звонков. Поорал ещё. А в обед, крайне довольный собой, решил выйти на улицу размяться и заодно купить булочку.

Он и не вспомнил бы про людей в мантиях, если бы возле булочной не наткнулся на новое сбирище. Проходя мимо, мистер Дурслей гневно зыркнул на идиотов: они его почему-то нервировали. Компания, как и та, утренняя, о чём-то возбуждённо шепталась — и, кстати, жестянок для пожертвований мистер Дурслей у них не приметил.

На обратном пути, сжимая в руке пакет с большим пончиком, он случайно услышал обрывки их разговора:

— Поттеры, всё верно, именно так я и слышал...

— ...да-да, их сын, Гарри...

Мистер Дурслей замер. Его обуял страх. Он оглянулся и хотел было что-то сказать, но передумал.

Он помчался назад в контору, добежал до кабинета, рявкнул секретарше: «Не беспокоить!» — и почти уже набрал свой домашний номер, но вдруг остановился. Положил трубку, задумчиво погладил усы... Нет, это глупо. Поттер — не такая уж редкая фамилия. Наверняка существует масса людей по фамилии Поттер, у которых есть сын Гарри. Да и, если на то пошло, он не уверен, что племянника зовут Гарри. Он ни разу даже не видел мальчишку. Может, тот — Гаррет. Или Гарольд. К чему зря тревожить миссис Дурслей; чуть вспомнишь о её сестре, бедняжка всегда расстраивается. Оно и понятно: если бы у **него** была такая сестра... Но всё равно, эти мантии...

После обеда о свёрлах думалось плохо, и, покидая контору в пять, взволнованный мистер Дурслей едва не сбил с ног прохожего.

— Извиняюсь, — буркнул он, не глядя на крохотного человечка, который споткнулся и чуть не упал. Мистер Дурслей не сразу осознал, что

человечек одет в фиолетовую мантию.

При этом, чудом избежав падения, недомерок нисколько не огорчился. Напротив, весь просиял и воскликнул до того скрипуче, что на него обернулись прохожие:

— Не извиняйтесь, не извиняйтесь, дорогой сэр, ибо сегодня ничто не омрачит моего счастья! Возрадуйтесь: Сами-Знаете-Кто наконец сгинул! Сегодня даже у вас, муглов, должен быть великий, великий праздник!

Старичок приобнял мистера Дурслея за талию — и унёсся прочь.

Мистер Дурслей прирос к асфальту. Его только что обнял совершенно незнакомый человек. И ещё его, кажется, обозвали муглом — что бы это ни означало. Мистер Дурслей в изрядном замешательстве поспешил к машине и скорее поехал домой, очень надеясь, что у него попросту разыгралось воображение. Никогда ещё он не надеялся на подобное раньше, ибо не одобрял воображения как такового.

Подъезжая к дому, он сразу увидел — и настроение его не улучшилось — давешнюю полосатую кошку. Та сидела на ограде у его собственного дома. Наверняка та же самая: точно те же отметины вокруг глаз.

— Брысь! — громко сказал мистер Дурслей.

Кошка не шелохнулась. Лишь строго на него посмотрела. «Это что, нормально для кошки?» — нервно подумал мистер Дурслей, но постарался взять себя в руки и вошёл в дом. Он был твёрдо настроен не впутывать в это дело жену.

Миссис Дурслей провела день совершенно нормально. За ужином она подробнее рассказала мистеру Дурслею о непослушной дочери миссис Пососедству и о том, что Дудли освоил новое выражение («Не хочу»). Мистер Дурслей старался вести себя как обычно. Когда Дудли наконец водворили в постель, мистер Дурслей отправился в гостиную к телевизору, как раз под конец выпуска новостей, и услышал:

— И последнее. Наблюдатели со всех концов страны сообщают, что сегодня совы вели себя весьма необычно. Эти птицы охотятся по ночам и практически никогда не выходят при дневном свете, однако сегодня были

отмечены сотни случаев их появления. С самого рассвета совы так и сновали вокруг. Эксперты пока не находят разумного объяснения, отчего это совам вдруг вздумалось стать жаворонками... — Диктор позволил себе улыбнуться. — Крайне загадочно... Ну, а сейчас Джим Макгаффин с прогнозом погоды. Что, будут у нас вечером совопады, Джим?

— Об этом, Тед, — ответил метеоролог, — мне ничего не известно, однако сегодня не одни только совы вели себя неестественно. Телезрители Кента, Йоркшира, Данди — отовсюду — целый день звонили и сообщали, что вместо ливня, который я обещал вчера, у них прошёл метеоритный дождь! Похоже, народ уже начал праздновать Ночь Гая Фокса. Рановато, друзья, она лишь на следующей неделе... Но, кстати, сегодня ночью дождь я гарантирую.

Мистер Дурслей так и застыл в кресле. Метеоритные дожди по всей Британии? Совы среди бела дня? Станные люди в мантиях? И ещё этот шепоток — шепоток про Поттеров...

Миссис Дурслей вошла в гостиную с двумя чашками чая. Нет, так не годится. Надо ей рассказать. Он прокашлялся.

— Э-э-э... Петуния, дорогая... к слову... про сестру твою ничего не слышно?

Как он и ожидал, миссис Дурслей разволновалась и рассердилась. Ведь у них было принято делать вид, что никакой сестры не существует.

— Нет, — резко ответила она. — А что?

— Да тут всякую ерунду передают в новостях, — промямлил мистер Дурслей. — Совы... метеоритный дождь... а ещё в городе полно чудных людей...

— И что? — перебила миссис Дурслей.

— Ну, я подумал... а вдруг... вдруг это как-то связано с... ну, ты понимаешь... с её гоп-компанией.

Миссис Дурслей, поджав губы, тянула из чашки чай. Мистер Дурслей колебался: говорить или нет, что сегодня на улице он слышал имя

Поттеров? Нет, пожалуй, он не осмелится. И он спросил как можно равнодушнее:

— А их сын... Он ведь по возрасту примерно как наш Дудли?

— Вроде бы, — процедила миссис Дурслей.

— А как там его? Говард?

— Гарри. Отвратное, простонародное имя!

— Да-да, — сказал мистер Дурслей. У него прямо-таки оборвалось сердце.

— Абсолютно с тобой согласен.

Больше он ничего не сказал, и супруги отправились спать. Пока миссис Дурслей умывалась, мистер Дурслей на цыпочках подкрался к окну и выглянул в сад. Кошка по-прежнему сидела на ограде. Она внимательно смотрела на Бирючинную улицу и словно чего-то ждала.

Всё-таки у него разыгралось воображение. Неужели и это связано с Поттерами? И если так... Если выплыло, что Дурслеи в родстве с... Нет, такого он просто не вынесет.

Супруги легли в постель. Миссис Дурслей уснула немедленно, а мистер Дурслей лежал и думал, думал. Впрочем, перед отходом ко сну одна мысль его успокоила: даже если Поттеры и причастны к происходящему, он и миссис Дурслей здесь ни при чём. Поттерам прекрасно известно, что он и Петуния их не жалуют... Не хватало ещё вляпаться в какую-нибудь историю, если есть куда вляпываться, конечно. Он зевнул и перевернулся на бок. Они тут совершенно ни при чём...

Как же он ошибался!

Мистер Дурслей погружался в беспокойный сон, а кошка на садовой ограде даже не зевнула ни разу. Она сидела неподвижно, как статуя, и неотрывно следила за дальним въездом на Бирючинную улицу. Кошка не шелохнулась, ни когда на соседней улице хлопнула дверца машины, ни когда мимо пролетели две совы. Впервые кошка пошевелилась лишь около полуночи.

На углу, за которым она наблюдала, появился человек — так неожиданно,

будто выскочил из-под земли. Кошка повела хвостом и сузила глаза.

Подобного человека Бирючинная улица ещё не видывала. Он был высок, худ и очень стар, судя по серебристым волосам и бороде, до того длинным, что хоть затыкай за пояс. Одет он был в длинную мантию и ниспадавший до земли пурпурный плащ, а обут в башмаки с пряжками и на высоких каблуках. Голубые глаза ярко искрились под очками со стёклами-полумесяцами, а длинный нос был до того крючковат, будто его минимум дважды ломали. Звали этого человека Альбус Думбльдор.

Он, по всей видимости, не сознавал, что всё в нём, от имени до башмаков, неприемлемо для обитателей Бирючинной улицы. Он озабоченно рылся в складках плаща и что-то искал. Но всё же почувствовал, что за ним наблюдают, — и неожиданно вскинул взгляд на кошку, по-прежнему пристально смотревшую с другого конца улицы. Непонятно почему кошка позабавила его. Думбльдор хмыкнул и пробормотал:

— И как это я не догадался?

Он нашёл во внутреннем кармане то, что искал: нечто вроде серебряной зажигалки. Открыл, поднял, щёлкнул. Ближайший уличный фонарь, тихо чпокнув, потух. Думбльдор снова щёлкнул — и следующий фонарь, поморгав, погас. Двенадцать раз щёлкал мракёр, и наконец на всей улице осталось лишь два далёких огонька — кошкины глаза, светившиеся в темноте. Никто, даже остроглазая миссис Дурслей, выгляни она сейчас на улицу, ничего бы не разглядел. Думбльдор сунул мракёр обратно под плащ и зашагал к дому № 4. Там он сел на ограду рядом с кошкой и, не оборачиваясь, сказал:

— Вот так встреча, профессор Макгонаголл.

Он хотел было улыбнуться полосатой кошке, но та исчезла. Вместо неё Думбльдор улыбался женщине довольно строгого вида, в квадратных очках той же формы, что и отметины вокруг кошкиных глаз. Женщина — тоже в плаще, но изумрудном, и с чёрными волосами, стянутыми на затылке в тугий пучок, — была явно на взводе.

— Как вы догадались, что это я? — спросила она.

— Моя дорогая, я ни разу не видел, чтобы настоящие кошки так каменели.

— Окаменеешь за целый день на холодном кирпиче, — ворчливо отозвалась профессор Макгонаголл.

— За целый день? Вместо того чтобы праздновать? По дороге сюда я видел по меньшей мере десяток пиршеств.

Профессор Макгонаголл недовольно фыркнула.

— О, конечно, все празднуют, — бросила она недовольно. — Казалось бы, надо поосторожней, так нет, даже муглы что-то заметили. Это было у них в новостях. — Она кивнула на дом Дурслеев и тёмное окно гостиной. — Я слышала. Стаи сов... метеоритный дождь... А что вы хотите, они же не дураки. Не могли не заметить. Метеоритный дождь в Кенте! Голову даю на отсечение, это фокусы Дедала Диггла. Никогда не отличался здравым смыслом.

— Ну-ну, не сердитесь, — мягко укорил Думбльдор. — За последние одиннадцать лет нам до обидного редко приходилось радоваться.

— Знаю, — раздражённо ответила профессор Макгонаголл. — Но это не повод терять голову. Все развеселились как дети! Разгуливают среди бела дня по улицам, даже не потрудившись одеться как муглы, и шушукаются о **таких** вещах!

Она пронзительно посмотрела на Думбльдора, словно надеясь что-то от него услышать, но он молчал, и она продолжила:

— Очень было бы интересно: Сами-Знаете-Кто сгинул, и тут как раз муглы узнают о нас!.. Он ведь и правда **сгинул**, да?

— Очень на то похоже, — ответил Думбльдор. — Так что у нас есть повод. Хотите лимончик?

— **Что?**

— Лимончик. Это такая мугловая карамелька, мне они очень нравятся.

— Нет, спасибо, — произнесла профессор Макгонаголл неодобрительно: — до карамелек ли? — Так вот, хотя Сами-Знаете-Кто сгинул...

— Моя дорогая, вы же разумный человек и конечно же можете называть его по имени! А то — «Сами-Знаете-Кто»... Глупости! Одиннадцать лет добиваюсь, чтобы его называли настоящим именем: Вольдеморт.

Профессор Макгонаголл вздрогнула, но Думбльдор как раз отлеплял одну карамельку от другой и ничего не заметил.

— Всё только запутывается от этого «Сами-Знаете-Кто». Не понимаю, почему все боятся произносить имя Вольдеморта.

— Вы-то не понимаете, — сказала профессор Макгонаголл с досадой и восхищением, — да только вы - не все. Известно ведь, что Сами-Знаете... Ну хорошо, что **Вольдеморт** вас одного и боится.

— Вы мне льстите, — спокойно ответил Думбльдор. — Вольдеморт умеет такое, до чего мне никогда...

— До чего вы никогда не опуститесь.

— Хорошо, что сейчас темно. Я так не краснел с тех пор, как мадам Помфри похвалила мои новые меховые наушники.

Профессор Макгонаголл пронзила Думбльдора острым взглядом:

— Совы — ерунда, пусть себе носятся. Но вот слухи... Слышали, о чём все говорят? Почему он сгинул? И что его в конце концов остановило?

Было видно, что именно это волнует её больше всего. Из-за этого она целый день просидела на холодной каменной ограде — ни в облиии кошки, ни после она ещё не смотрела на Думбльдора так пристально. Что бы ни говорили «все», она ничему не поверит, пока этого не подтвердит Думбльдор. Тот между тем выбирал новую карамельку — и не ответил.

— **Говорят**, — не сдавалась профессор Макгонаголл, — что прошлой ночью Вольдеморт объявился в Годриковой лощине. Пришёл за Поттерами. И по слухам, Лили и Джеймс Поттеры... Лили и Джеймс... **погибли**.

Думбльдор склонил голову. Профессор Макгонаголл охнула.

— Лили и Джеймс... не могу поверить... не хотела верить... Как же так,

Альбус...

Думбльдор похлопал её по плечу.

— Ну-ну... ничего... — мрачно произнёс он.

Профессор Макгонаголл продолжала, и голос её дрожал:

— Это ещё не всё. Говорят, он пытался убить сына Поттеров, Гарри. Но — не смог. Не сумел убить маленького мальчика. Никто не знает, как и почему, но, говорят, когда ему не удалось убить Гарри, он вдруг словно бы потерял силу — и исчез.

Думбльдор хмуро кивнул.

— Это... правда? — Профессор Макгонаголл даже запнулась. — После всего, что он сделал... столько погубил... не сумел убить ребёнка? Поразительно... Чтобы именно это его остановило?.. Но как, во имя неба, Гарри выжил?

— Остаётся только гадать, — отозвался Думбльдор. — Может, никогда и не узнаем.

Профессор Макгонаголл достала кружевной платочек и промокнула глаза под очками. Думбльдор громко шмыгнул носом, вытащил из кармана золотые часы и сверился с ними. То были очень странные часы: двенадцать стрелок и никаких цифр на циферблате; вместо цифр по кругу двигались маленькие планеты. Тем не менее Думбльдору они, видимо, говорили о многом, потому что вскоре он убрал часы в карман и промолвил:

— Огрид запаздывает. Это ведь он вам сказал, что я буду здесь?

— Да, — ответила профессор Макгонаголл, — и, я думаю, вы вряд ли объясните, почему именно здесь?

— Я собираюсь отдать Гарри его дяде и тёте. Других родственников у него не осталось.

— Что? Людям из этого дома? — вскричала профессор Макгонаголл, вскакивая с ограды и тыча пальцем в дом № 4. — Думбльдор, как же

можно! Я наблюдала за ними весь день... Они — полная наша противоположность. А их сын!.. Видели бы вы, как он орал и пинал мать ногами на улице — конфет требовал! И чтобы Гарри Поттер жил с ними?..

— Здесь ему будет лучше всего, — твёрдо сказал Думбльдор. — Его дядя и тётя всё ему объяснят, когда он немного подрастёт. Я написал им письмо.

— Письмо? — слабым голосом переспросила профессор Макгонаголл, вновь опускаясь на ограду. — Думбльдор, вы и правда полагаете, что всё это можно растолковать в письме? Таким людям его никогда не понять! Он будет знаменит — станет легендой — не удивлюсь, если в будущем сегодняшний день назовут Днём Гарри Поттера, — о нём напишут книги — его имя будет известно каждому ребёнку!

— Именно. — Думбльдор серьёзно поглядел на неё поверх очков. — И это любому вскружит голову. Ещё ходить не умеешь, а уже знаменитость! Причём из-за того, о чём сам не помнишь! Разве вы не понимаете, насколько лучше, если он вырастет вдали от шумихи и узнает правду, лишь когда сможет сам во всём разобраться?

Профессор Макгонаголл хотела возразить, но передумала. Сглотнув, она сказала:

— Да-да, конечно, вы правы. Но как мальчик попадёт сюда?

Она подозрительно оглядела плащ Думбльдора: не скрывается ли в складках ребёнок?

— Огрид привезёт.

— Полагаете, это... **разумно** — доверять столь важное дело Огриду?

— Я бы доверил ему свою жизнь, — ответил Думбльдор.

— Нет, он, конечно, человек добрый, хороший, — неохотно пояснила профессор Макгонаголл, — но, согласитесь, уж очень безалаберный. И его всегда так и тянет... Это ещё что такое?

Низкий рокот взорвал тишину улицы, Думбльдор и профессор Макгонаголл заозирались, не понимая, откуда он приближается, и ожидая увидеть свет

фар. Скоро рокот сделался оглушителен; они подняли головы к небу — и прямо оттуда на дорогу свалился огромный мотоцикл.

Мотоцикл был огромен, но казался крошечным под своим седоком, человеком раза в два выше и по крайней мере раз в пять толще обычного. Он был как-то непозволительно громаден и казался диким — кустистые чёрные лохмы и косматая борода, под которыми почти не видно лица, лапищи размером с крышку мусорного бака, ноги в кожаных сапогах, похожие на дельфинят-подростков. В громадных мускулистых руках гигант держал свёрток из одеял.

— Огрид, — с облегчением сказал Думбльдор. — Наконец-то. Где ты взял мотоцикл?

— Позаимствовал, профессор Думбльдор, сэр, — ответил гигант, осторожно слезая с седла. — У юного Сириуса Блэка.

— По дороге никаких неприятностей?!

— Нет, сэр. Дом раздолбало, но мальчика удалось вытащить, пока муглы не понабежали. Он уснул над Бристолем.

Думбльдор и профессор Макгонаголл склонились над свёртком. Внутри, еле видимый, спал младенец. Под угольно-чёрной чёлкой на лбу виднелся порез необычной формы — совсем как зигзаг молнии.

— Значит, сюда... — прошептала профессор Макгонаголл.

— Да, — отозвался Думбльдор. — Шрам останется на всю жизнь.

— А нельзя что-нибудь с этим сделать, Думбльдор?

— Даже если б и можно, я бы не стал. Шрамы бывают полезны. У меня, например, шрам над левым коленом — в точности схема лондонской подземки... Что же, давай ребёнка сюда, Огрид. Дело есть дело.

Думбльдор взял Гарри на руки и повернулся к дому Дурслеев.

— А можно... можно с ним попрощаться, сэр? — попросил Огрид. Он склонил большую лохматую голову над Гарри и поцеловал малыша.

Поцелуй, вероятно, был очень колкий. После этого Огрид вдруг завыл раненым псом.

— Ш-ш-ш! — зашипела профессор Макгонаголл. — Разбудишь муглов!

— И-и-извиняюсь, — всхлипнул Огрид. Он извлёк откуда-то громадный крапчатый носовой платок и спрятал в нём физиономию. — Но я не могу-у-у! Лили с Джеймсом померли... А малыша Гарри отправляют к муглам...

— Да, да, это очень грустно, но ты уж возьми себя в руки, Огрид, не то нас заметят, — зашептала профессор Макгонаголл, осторожно похлопывая Огрида по руке.

Думбльдор меж тем перешагнул низенькую садовую ограду и направился к двери. Аккуратно положил Гарри на порог, достал из-под плаща письмо, сунул его в одеяльце и вернулся к своим. С минуту все молча глядели на крошечный свёрток. Плечи Огрида вздрагивали, профессор Макгонаголл отчаянно моргала, а свет, обычно струившийся из глаз Думбльдора, как будто потух.

— Что ж, — сказал наконец Думбльдор. — Вот и всё. Здесь нам больше делать нечего. Идёмте праздновать?

— Ага. — Огрид еле мог говорить. — Мне ещё надо байк Сириусу оттащить. Д'зданья, профессор Макгонаголл... профессор Думбльдор, сэр.

Утирая ручьи слёз рукавом куртки, Огрид оседлал мотоцикл и пнул стартёр; машина с рёвом взвилась в воздух и скрылась в ночи.

— Надеюсь, скоро увидимся, профессор Макгонаголл, — кивнул Думбльдор. В ответ профессор Макгонаголл высморкалась в платочек.

Думбльдор развернулся и пошёл прочь по улице. На углу он остановился и вытащил серебристый мракёр. Щёлкнул всего раз, и двенадцать световых шаров мгновенно вкатились в уличные фонари. Вся Бирючинная улица вдруг засветилась оранжевым, и стало видно, как вдали за угол скользнула полосатая кошка. На пороге дома № 4 едва виднелся маленький свёрток.

— Удачи тебе, Гарри, — пробормотал Думбльдор, развернулся на каблуках, шелестнув плащом, и исчез.

Лёгкий ветерок шевелил аккуратно подстриженные кустики Бирючинной улицы, тихой и опрятной под чернильными небесами. Где угодно, только не здесь можно было ждать загадочных и удивительных дел. Гарри Поттер в одеяле повернулся на другой бок, но не проснулся. В пальчиках он сжимал письмо и спал крепко, не подозревая, что он особенный, что он знаменитый, не ведая, что через несколько часов ему предстоит проснуться от воплей миссис Дурслей, которая выйдет на крыльцо с бутылками для молочника, и что следующие несколько недель его будет непрерывно пихать и щипать двоюродный братец Дудли... Он не знал, что в это самое время люди по всей стране, собравшись на тайные празднества, поднимают бокалы и приглушённо восклицают: «За Гарри Поттера — мальчика, который остался жив!»

Глава вторая. Исчезнувшее стекло

Почти десять лет минуло с тех пор, как супруги Дурслей проснулись утром и нашли на крыльце собственного дома своего племянника, но Бирючинная улица осталась прежней. Солнце, встав, освещало всё те же аккуратные садики, зажигало латунным светом табличку с номером четыре на двери дурслеевского дома и прокрадывалось в гостиную, очень мало переменившуюся с тех пор, как мистер Дурслей увидел по телевизору судьбоносные новости о совах. Лишь фотографии на каминной полке показывали, сколько воды утекло. Десять лет назад тут теснились снимки розового пляжного мячика в разноцветных чепчиках — но теперь Дудли Дурслей был далеко не младенец. С фотографий глядел упитанный светлоголовый мальчик: вот он впервые сел на велосипед, вот катается на карусели, играет с папой за компьютером, вот его обнимает и целует мама... И нигде — ни намёка на то, что в доме живёт ещё один мальчик.

Гарри Поттер, однако, жил здесь до сих пор — и сейчас спал, хотя спать ему оставалось недолго. Тётя Петуния уже поднялась, и именно её голос возвестил для Гарри наступление дня:

— Подъём! Вставай! Быстро!

Гарри так и подскочил в постели. Тётя забарабанила в дверь.

— Подъём! — верещала она.

Гарри услышал, как она прошла на кухню и брякнула сковородкой о плиту. Он перекатился на спину и попробовал вспомнить свой сон. Хороший такой сон. Будто бы он летал на мотоцикле. Кажется, прежде ему такое уже снилось.

Тётя снова оказалась за дверью.

— Ну что, встал? — грозно прокричала она.

— Почти, — отозвался Гарри.

— Шевелись! Надо приглядеть за беконом. Пригорит — убью! В день рождения Дудли всё должно быть идеально.

Гарри застонал.

— Что? — рявкнула тётя Петуния из-за двери.

— Ничего, ничего.

У Дудли день рождения — как это он забыл? Гарри сонно вывалился из постели и стал искать носки. Те оказались под кроватью, и Гарри надел их, сначала вытряхнув паука. Пауков он не боялся, привык: в чулане под лестницей их водилась тьма-тьмущая, а как раз в чулане Гарри и спал.

Одевшись, он пошёл через холл на кухню. Стола практически не было видно под коробками и свёртками. Похоже, Дудли, как и хотел, получил в подарок и новый компьютер, и второй телевизор, и гоночный велосипед. Зачем ему гоночный велосипед, оставалось для Гарри загадкой: толстяк Дудли терпеть не мог шевелиться — разве лишь затем, чтобы кому-нибудь вмазать. Боксёрской грушей чаще всего служил Гарри — если, конечно, его удавалось поймать. По виду не скажешь, но бегал Гарри очень быстро.

Возможно, из-за жизни в тёмном чулане Гарри был маловат и щупловат для своего возраста. А выглядел ещё мельче и худее, поскольку всегда donaшивал старую одежду за Дудли, большим и толстым, крупнее Гарри раза в четыре. У Гарри было худое лицо, острые коленки, чёрные волосы и ярко-зелёные глаза. Он носил круглые очки, перемотанные посередине скотчем — оправа часто ломалась, потому что Дудли то и дело бил Гарри по носу. В собственной внешности Гарри нравился один лишь тонкий шрам на лбу — в виде зигзага молнии. Шрам у него был, сколько он себя помнил, и, едва научившись говорить, Гарри первым делом спросил тётю Петунию, откуда тот взялся.

— Это из-за аварии, в которой погибли твои родители, — ответила тётя Петуния. — И не задавай дурацких вопросов.

Не задавай дурацких вопросов — первое правило спокойной жизни дома Дурслеев.

Дядя Вернон вошёл в кухню, когда Гарри переворачивал бекон.

— Причешись! — рявкнул дядя вместо утреннего приветствия.

Примерно раз в неделю дядя Вернон взглядывал на Гарри поверх газеты и кричал, что мальчишке надо подстричься. Гарри стригли, наверное, чаще, чем всех остальных мальчиков в классе, вместе взятых, но толку не было никакого, ибо так у него росли волосы — во все стороны.

Когда на кухню в сопровождении мамы явился Дудли, Гарри уже бросил на сковородку яйца. Дудли был очень похож на дядю Вернона: такое же крупное розовое лицо, отсутствие шеи, те же водянистые голубые глазки и густые светлые волосы, ровной шапкой облеплявшие большую толстую голову. Тётя Петуния называла Дудли ангелочком — Гарри звал его «шпиг надел парик».

Гарри расставил тарелки с яичницей, что оказалось непросто; на столе почти не было места. Дудли тем временем подсчитал подарки. Лицо его помрачнело.

— Тридцать шесть, — сказал он, поглядев на родителей. — На два меньше, чем в прошлом году.

— Котинька, ты забыл посчитать подарочек от тёти Марджи, видишь, вот он, под большой коробочкой от мамули с папулей.

— Ну хорошо, тридцать семь. — Дудли побагровел.

Сообразив, что грядёт истерика, Гарри стал торопливо глотать бекон, а то как бы Дудли не перевернул стол.

Тётя Петуния, очевидно, тоже почуяла опасность и затараторила:

— И мы купим тебе ещё **два** подарка, когда пойдём гулять, да? Как тебе такое, пончик? Ещё **два** подарочка. Хорошо?

Дудли задумался. Что для него явно было непросто. И наконец медленно выговорил:

— Так что у меня будет тридцать... тридцать...

— Тридцать девять, конфеточка, — подсказала тётя Петуния.

— Ага. — Дудли плюхнулся на стул и схватил ближайший свёрток. — Тогда ладно.

Дядя Вернон одобрительно хмыкнул:

— Медвежоночек знает себе цену — весь в папу. Молодчина, Дудли! — и взъерошил сыну волосы.

Зазвонил телефон. Тётя Петуния пошла ответить, а Гарри и дядя Вернон наблюдали, как Дудли распаковывает гоночный велосипед, видеокамеру, самолёт с дистанционным управлением, шестнадцать новых компьютерных игр и видеомагнитофон. Он уже срывал обёртку с золотых наручных часов, когда вернулась тётя Петуния, сердитая и озабоченная.

— Плохие новости, Вернон, — объявила она. — Миссис Фигг сломала ногу и не сможет с ним посидеть. — Тётя Петуния мотнула головой в сторону Гарри.

Дудли в ужасе разинул рот, зато сердце Гарри всколыхнулось от радости. Каждый год в день рождения родители устраивали Дудли праздник — брали его с кем-нибудь из друзей на аттракционы в парк, кормили гамбургерами или водили в кино. А Гарри на это время сдавали миссис Фигг, чокнутой бабке, которая жила через две улицы. Гарри терпеть не мог с ней оставаться. Там в доме воняло капустой, и она заставляла Гарри рассматривать фотографии кошек, которых за долгую жизнь у неё перебывало великое множество.

— И как быть? — Тётя Петуния возмущённо посмотрела на Гарри, словно всё это было его рук дело. Тот понимал, что должен бы посочувствовать миссис Фигг, да только не мог себя заставить: ведь теперь впереди ещё целый год без Снежинки, Пуфика, дяди Лапки и Хохлика!

— Давай позвоним Марджи, — предложил дядя Вернон.

— Не говори глупостей, Вернон, сам знаешь — она ненавидит мальчишку.

Дядя с тётей часто говорили о Гарри в его присутствии так, будто его нет рядом; точнее, так, будто он — какой-то мерзкий слизняк и не в состоянии их понять.

— А эта, как бишь её, твоя подруга... Ивонна?

— В отпуске на Майорке, — отрезала тётя Петунья.

— Оставьте меня дома, — с надеждой предложил Гарри (он в кои-то веки сможет посмотреть по телевизору что захочется или даже поиграть на компьютере Дудли).

Тётя Петунья скривилась, точно разжевала лимон.

— Чтобы потом вернуться к руинам? — проворчала она.

— Я не взорву дом, — сказал Гарри, но его не слушали.

— Давай возьмём его в зоопарк... — медленно заговорила тётя Петунья, — ...и оставим в машине...

— Машина, между прочим, новая, я его там одного не оставлю...

Дудли громко зарыдал. Не по-настоящему, конечно, — он сто лет не плакал по-настоящему, — но знал, что, если как следует скривиться и завывать, мама сделает для него что угодно.

— Динки-дуди-дум, не плачь, мамочка не позволит ему испортить тебе праздник! — воскликнула тётя Петунья, обвивая руками шею сына.

— Я... не... хочу... чтоб... он... шёл... с нами! — голосил Дудли между притворными всхлипами. — Он в-ечно в-сё портит! — И Дудли злорадно ухмыльнулся Гарри из-под маминых рук.

Тут раздался звонок в дверь.

— Боже мой, уже пришли! — в отчаянии вскрикнула тётя Петунья — и на пороге возник лучший друг Дудли, Пирс Полкисс, с мамой. Тщедушный, с крысиным лицом, Пирс обычно выкручивал руки тем, кому Дудли собирался вмазать.

Дудли сразу перестал плакать.

Через полчаса Гарри, не веря своему счастью, впервые в жизни ехал в

зоопарк — рядом с Дудли и Пирсом, на заднем сиденье. Дядя с тётей так и не придумали, куда бы его сплавить, но перед отъездом из дома дядя Вернон отвёл его в сторонку и прошипел, приблизив к нему огромное багровое лицо:

— Предупреждаю, парень: один фокус, одна-единственная твоя штучка — и ты не выйдешь из чулана до Рождества.

— Да я ничего и не собирался, — сказал Гарри, — честно...

Но дядя Вернон ему не поверил. Никто ему не верил, никогда.

Беда в том, что с Гарри часто происходило странное и убеждать Дурслеев, будто он тут ни при чём, было бесполезно.

Однажды, например, тётя Петуния, возмущившись, что Гарри опять вернулся из парикмахерской «будто не стригся вовсе», обкорнала его кухонными ножницами почти налысо и оставила только чёлку, «чтобы прикрыть этот гадкий шрам». Дудли чуть не лопнул от смеха, а Гарри всю ночь не спал — представлял, как завтра пойдёт в школу, где его и так дразнили за мешковатую одежду и склеенные очки. Однако утром обнаружилось, что волосы снова отросли, будто их никто и не стриг, и Гарри на неделю упрятали в чулан, хоть он и пытался объяснить, что не может объяснить, как они отросли так быстро.

В другой раз тётя Петуния хотела обрядить его в омерзительный старый свитер Дудли (коричневый с рыжими помпонами). Но, чем сильнее она старалась натянуть его на Гарри, тем стремительней уменьшался свитер, и в конце концов стало ясно, что он не налезет и на куклу. Тётя Петуния решила, что свитер, видимо, сел при стирке, и Гарри, к великому его облегчению, не наказали.

Зато, когда он неизвестно как очутился на крыше школьной столовой, ему пришлось туго. Дудли с друзьями, по обыкновению, гонялись за ним, и вдруг оказалось, что Гарри сидит на трубе, чему сам он удивился не меньше прочих. Дурслеи получили сердитое письмо от его классной руководительницы, уведомлявшее, что мальчик лазит по крышам школьных построек. А мальчик всего лишь (как он пытался втолковать дяде Вернону через запертую дверь чулана) пытался запрыгнуть за мусорные баки, выставленные у столовой. Но его, наверное, подхватило и унесло сильным

ветром.

Но сегодня ничего плохого не произойдёт. И даже с обществом Дудли и Пирса можно смириться — ради счастья побыть не в школе, и не в чулане, и не в капустной гостиной миссис Фигг.

Дядя Вернон крутил руль и жаловался на жизнь тёте Петунии. Он вообще любил жаловаться: подчинённые, Гарри, местный совет, Гарри, банк, Гарри — вот лишь несколько излюбленных его тем. Сейчас ему не угодили мотоциклы.

— ...носятся как полоумные, хулиганье, — буркнул он, когда мимо промчался мотоциклист.

— А я мотоцикл во сне видел, — вдруг вспомнил Гарри. — Он летал.

Дядя Вернон едва не врезался в идущую впереди машину. Он резко обернулся, напоминая лицом гигантскую свёклу с усами, и завопил:

— МОТОЦИКЛЫ НЕ ЛЕТАЮТ!

Дудли с Пирсом хрюкнули.

— Знаю, — согласился Гарри. — Но это же сон.

Он пожалел, что раскрыл рот. Хуже лишних вопросов для Дурслеев были только рассказы о вещах, действующих не так, как положено, пусть во сне или даже в мультфильме: Дурслеям сразу казалось, что у Гарри появляются опасные мысли.

Суббота выдалась очень солнечной, и в зоопарке было полно народу. Дудли и Пирсу купили по большому шоколадному мороженому, а потом — улыбая продащица успела спросить, чего хочет Гарри, прежде чем его оттащили от её тележки, — Дурслеям пришлось раскошелиться на дешёвый лимонный лёд и ему. Тоже неплохо, решил Гарри, облизывая мороженое и наблюдая за гориллой, чесавшей голову: ни дать ни взять Дудли, только волосы чёрные.

То было лучшее утро в жизни Гарри. Он предусмотрительно держался поодаль от остальных, чтобы Дудли и Пирс, которым к обеду зоопарк

поднадоел, не вздумали обратиться к своему любимому занятию — колотить его. Они пообедали в ресторане прямо в зоопарке и, когда Дудли учинил скандал — якобы в десерте «Полосатый чулок» сверху слишком мало мороженого, — дядя Вернон купил ему другую порцию, а Гарри разрешили доесть первую.

Словом, всё шло чересчур хорошо, а потому быстро закончилось.

После обеда они отправились в террариум. Внутри было темно и прохладно; вдоль стен тянулись освещённые витрины. За стеклом, меж камней и брёвен, ползали, извивались, шныряли всевозможные змеи и ящерицы. Дудли с Пирсом хотели посмотреть здоровенных ядовитых кобр и толстых питонов, способных задушить человека. Дудли быстро отыскал самую большую змею. Она могла бы дважды обернуться вокруг машины дяди Вернона и сплющить её в лепёшку — только сейчас была не в настроении. Вообще-то она спала.

Дудли постоял, прижав нос к стеклу, поглядел на блестящие коричневые кольца, и заканючил:

— Пусть она поползает!

Дядя Вернон постучал по стеклу, но змея не шелохнулась.

— Постучи ещё, — приказал Дудли.

Дядя Вернон громко забарабанил костяшками. Змея дрыхла.

— Ску-у-учно, — простонал Дудли и побрёл прочь, загребая ногами.

Гарри подошёл к витрине и вгляделся в змею. Он бы не удивился, если бы узнал, что та сдохла со скуки, — подумать, целый день болван за болваном, которые долбят по стеклу и не дают покоя! Хуже, чем спать в чулане — там колотит в дверь одна только тётя Петунья, и Гарри разрешают ходить по всему дому.

И вдруг змея открыла круглые глаза. Медленно, очень медленно подняла голову и уставилась ему прямо в лицо.

И подмигнула.

Гарри вытаращился на неё. Потом быстро огляделся: не видит ли кто. Никто не видел. Тогда он повернулся к змее и тоже подмигнул.

Змея качнула головой на дядю Вернона и Дудли, а затем возвела глаза к потолку. Её взгляд ясно говорил: «**И так всё время**».

— Понимаю, — пробормотал Гарри в стекло, хотя и не был уверен, что змея его слышит. — Небось достало?

Змея энергично кивнула.

— А ты вообще откуда? — полубопытствовал Гарри.

Змея постучала хвостом по табличке у стекла. Гарри прочитал: «Боа-констриктор, Бразилия».

— Хорошо там, в Бразилии?

Боа-констриктор снова постучал по табличке, и Гарри прочёл дальше: «Этот экземпляр выведен в зоопарке».

— Вот как? Значит, ты не был в Бразилии?

Констриктор потряс головой, и тут за спиной Гарри раздался оглушительный вопль, так что и он, и змея вздрогнули:

— ДУДЛИ! МИСТЕР ДУРСЛЕЙ! ИДИТЕ СЮДА! ПОСМОТРИТЕ НА ЗМЕЮ! ВЫ **НЕ ПОВЕРИТЕ**, ЧТО ОНА ВЫТВОРИТ!

Дудли подбежал вразвалку.

— Прочь с дороги, ты, морда! — крикнул он, ткнув Гарри под рёбра. От неожиданности Гарри упал на бетонный пол. Дальше всё произошло до того быстро, что никто не успел ничего понять: только что Пирс с Дудли стояли, уткнувшись носами в стекло, а через секунду уже отскочили, взыв от ужаса.

Гарри сел и ахнул: стеклянная витрина, ограждавшая вольер с боа-констриктором, исчезла. Огромная змея, стремительно развёртывая кольца, ползла наружу. По всему террариуму люди с громкими воплями неслись к

выходам.

Змея быстро и бесшумно скользнула мимо Гарри, и тот услышал — готов был поклясться, что услышал, — её тихий, свистящий шёпот: «Бразилия, жди меня... С-с-спас-сибо, амиго».

Смотритель террариума был в шоке.

— Стекло, — повторял он как попугай. — Куда делось стекло?

Директор зоопарка, ни на секунду не переставая извиняться, собственноручно заварил тёте Петунии крепкого сладкого чая. Дудли и Пирс беспомощно что-то бормотали. Насколько видел Гарри, боа-констриктор, проползая мимо, всего-навсего слегка прихватил их за пятки, но, когда все расселись в машине, Дудли уже рассказывал, что питон едва не откусил ему ногу, а Пирс клялся, что его чуть не задушили. Но самое мерзкое — по крайней мере для Гарри — началось, когда Пирс, слегка успокоившись, заявил:

— А Гарри с ним разговаривал! Скажешь, нет, Гарри?

Дядя Вернон дождался, пока Пирса заберут, и взялся за Гарри. От злости он едва мог говорить. Выдавил только:

— Вон — в чулан — сиди — без еды, — и рухнул в кресло. Тётя Петуния побежала за бренди.

Позже Гарри лежал в чулане и мечтал о часах. Он не знал, сколько времени и все ли уже заснули. А до того не смел вылезти и пробраться на кухню хоть что-нибудь съесть.

Он жил у Дурслеев почти десять лет, десять несчастливых лет, с младенчества, с того дня, когда его родители погибли в автокатастрофе. Он не помнил себя в той машине. Иногда, подолгу сидя в чулане и сильно напрягая память, он словно бы видел ослепительную зелёную вспышку и

ощущал жгучую боль во лбу. Видимо, это и было воспоминание об аварии, хотя непонятно, откуда взялась вспышка. Родителей он не помнил совсем. Дядя и тётя о них не говорили; спрашивать, разумеется, запрещалось. Их фотографий в доме не держали.

Малышом Гарри всё мечтал о неведомом родственнике: вот он приедет и заберёт его. Но такого не случилось. Кроме дяди и тёти, у него никого не было. И всё же иногда ему казалось (или он это придумывал?), что посторонние люди на улице его узнают. Очень, кстати, странные посторонние. Однажды они ходили по магазинам с тётей Петунией и Дудли, и какой-то крошечный человечек в фиолетовом цилиндре поклонился Гарри. После яростных расспросов, откуда Гарри знает этого типа, тётя волоком вытащила детей на улицу, так ничего и не купив. В другой раз, в автобусе, ему весело помахала рукой дикого вида старуха, вся в зелёном. А на днях некто лысый в длинном пурпурном плаще молча пожал ему и тут же ушёл. Самым же странным было то, что все они исчезали при малейшей попытке их рассмотреть.

В школе у Гарри друзей не было. Все знали, что Дудли с приятелями терпеть не могут дурака Поттера с его мешковатой одеждой и разбитыми очками, а идти против Дудли и его компании никто не хотел.

Конец ознакомительного фрагмента. Читать дальше:

[Перейти](#)